

О. Н. Купцова

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТОГРАФИЯ А. Н. ОСТРОВСКОГО: ГОРОД

doi: 10.30759/1728-9718-2018-2(59)-78-86

УДК 82–2

ББК 84–6

Статья посвящена художественному картографированию А. Н. Островского, центром драматургической карты которого с первых и до последних пьес оставалась Москва как единственная столица (Петербург фактически отсутствует в его драматургии). Столкновение статики–движения, старого–обновляющегося, азиатского–европейского строится у А. Н. Островского через сравнение «московского» и «замоскворецкого» (оппозиция возникает внутри одного города, а не в паре Москва–Петербург), а в масштабах России — «московского» (столичного) и «губернского/уездного» (провинциального). В художественном мире драматурга Замоскворечье — не столько существующий московский район, сколько «сборный» литературный (часто сказочно-фольклорный), внеисторический образ Москвы. В волжском цикле пьес А. Н. Островский создает несуществующие города в верховьях Волги — губернский Бряхимов и уездный Калинов. Искусственное именование уездного города и прецедентное имя губернского (Бряхимов — исторический город волжских булгар) объединяет азиатская составляющая. Художественная картография А. Н. Островского скрыто полемична. «Несуществующий» Петербург, никак не влияющий на общий ход российской жизни и на однородность российского пространства, — своеобразный вклад писателя в «петербургский текст» русской литературы. «Замоскворецкая Азия» (метонимически представляющая всю Москву) и «азиатские» волжские города Калинов и Бряхимов — реплика в спорах славянофильского окружения драматурга.

Ключевые слова: *А. Н. Островский, русская драматургия, геопэтика, художественная картография, Москва, Замоскворечье, Волга, город*

Драматургия А. Н. Островского (около пятидесяти пьес различных жанров) уже современниками воспринималась как целостная система. Одним из способов создания единого «мира Островского» стала художественная картография — особое геопэтическое пространство (только частично совпадающее с реальной географией), конструирование которого включало отбор и именование географических объектов, выстраивание их иерархии, расположение на воображаемой карте и т. д.

Так, в пьесах А. Н. Островского существует Город (столичный, губернский, уездный) и помещицья Усадьба, но практически отсутствует крестьянская Деревня (обильно введенная в литературу писателями-шестидесятниками, современниками драматурга).

В актуальном для литературы всего XIX столетия геопэтическом споре-соперничестве между столицей древней и новой — Москвой и Петербургом — А. Н. Островский принял активное участие, однако его вклад в этот спор своеобразен. На художественной карте Островского, своими контурами полностью не совпа-

дающей ни с близкими ему славянофилами, ни с западниками, столица одна — Москва; Петербург же фактически отсутствует, его как будто не существует.¹ Драматург использует миф-прием, создавая геопэтическое пространство с одним центром, а не с двумя конкурирующими. Столкновение статики–движения, консервативного–обновляющегося, азиатского–европейского строится не на соположении «московского» и «петербургского», но через сравнение «московского» и «замоскворецкого» (оппозиция возникает внутри одного города, а не в паре полярно отличающихся друг от друга городов), а в масштабах России — «московского» (столичного) и «губернского/уездного» (провинциального).

А. Н. Островский входил в литературу в тот момент, когда сопоставление «московского» и «петербургского» шло по различным параметрам (ландшафт, градостроительные принципы, архитектура, городские топосы, история

¹ Петербург ни разу не становился местом действия пьес А. Н. Островского. «Частотный словарь языка А. Н. Островского» фиксирует в 1840–1850-х гг. всего три упоминания Петербурга в репликах персонажей, в 1860-х гг. — 19, в 1870–1880-х гг. их число вырастает до 42, но остается несоизмеримо меньшим, чем число упоминаний Москвы и московских адресов (А. Н. Островский. Энциклопедия. Кострома; Шуя, 2012. С. 602). И это при том, что в жизни драматурга Петербург, литературно-театральный, административный, играл значительную роль.

и др.), в том числе и в театральном отношении («московская» и «петербургская» школы актерской игры, московский и петербургский зритель). Хорошо известно, что водевильный поток 1820–1840-х гг. состоял в основном из французских (реже немецких) переводов-переделок, русификация которых производилась прежде всего за счет замены иностранных имен и фамилий на русские и переноса места действия в Россию (с введением локального колорита). Авторов водевилей современники также четко делили на «петербургских» и «московских», что было оправданно, так как водевилисты при русификации активно создавали именно «петербургский» и «московский» тексты в драматической литературе и театре, своего рода театральную физиологию двух столиц (с узнаваемыми городскими типажам и реальными адресами).² Петербуржцы были активнее и заметнее. Московский колорит оказался представлен гораздо меньше. В отношении к драматической литературе «Москва далеко уступает Петербургу: она мало производит своего, а перебивается тем, что пошлет ей наш деятельный Петербург»,³ — писала «Северная пчела» в 1840 г.

Москва, в которой А. Н. Островский родился и прожил всю жизнь, безусловно, центр его художественной картографии. История Москвы допетровского времени стала сосредоточением интересов «молодой редакции» журнала «Москвитянин», во многом сформировавшей взгляды драматурга. Резко подчеркнутый московский колорит ранних пьес А. Н. Островского возник, возможно, из желания создать на сцене более подробный и конкретный «московский» текст в добавление к уже сформированному «петербургскому».

По подсчетам А. И. Ревякина, из 47 опубликованных А. Н. Островским при жизни ориги-

нальных пьес «события двадцати семи происходят целиком в древней столице, действие трех исторических хроник частично совершается также в ней, происшествие одной пьесы протекает на подмосковной даче, и в десяти пьесах Москва упоминается».⁴ Однако простая статистика мало что дает для понимания «московского текста» А. Н. Островского.

Особенности драматургического изображения городского пространства заключаются в том, что оно может быть и сценическим местом действия (представляющим различные части городского топоса), и внесценическим (только упоминаемым, но невидимым). Город как место действия (улицы, площади, монастыри и пр.) в русской театральной практике XIX в. появляется прежде всего в исторических драмах (например, в пушкинском «Борисе Годунове»); в других жанрах это явление возникает позже.

Внесценический город лишь обозначается или описывается персонажами в репликах, при этом действие пьесы не выходит за пределы дома (в крайнем случае происходит в пространстве около дома). Зритель видит лишь интерьер и только воображает внешнее городское пространство. Главные предшественники А. Н. Островского в этом отношении — А. С. Грибоедов и Н. В. Гоголь. Первый упоминал в комедии «Горе от ума» реальные московские адреса, складывающиеся в итоге в панораму «фамусовской» (или «грибоедовской») Москвы. Н. В. Гоголь в комедии «Ревизор» предложил иную модель — образ «сборного» (безымянного или имеющего искусственное название) города, представленного по аристофановскому образцу прежде всего как иерархическая (послойная) административная и сословная структура (город воссоздается в воображении через его жителей). В гоголевском случае нет конкретных адресов, но есть универсальные знаки городского топоса, опознаваемые как «свои» жителями разных городов (отсюда до сих пор длящийся спор о городе-прототипе).

А. Н. Островский развивал в своем творчестве в разное время оба способа — сценическое и внесценическое изображение города, причем последнее как в грибоедовской, так и в гоголевской традиции.⁵ Но есть существенная

² См., напр., пьесы «Петербургская невеста, или Не все то золото, что блестит» (пер. с нем.); «Петербургские квартиры» Ф. А. Кони; «Петербургский ростовщик» Н. А. Перепельского (Н. А. Некрасова); «Букеты, или Петербургское цветобесие», «Модные петербургские леченья» В. А. Соллогуба; «Булочная, или Петербургский немец», «Петербургские дачи», «Пикник в Токсове, или Петербургские удовольствия», «Первое июля в Петергофе» П. А. Каратыгина; «Петербургская барышня» В. К. Иванова; «Петербургские шалуны», «Петербургский анекдот с жильцом и домохозяином» П. И. Григорьева. Ср.: «Москва и Ярославль, или Чудное приключение у Лукерьи Семеновны Зюзиной» П. Г. Григорьева; «Московский купец и купеческий сынок, или В жене все богатство!» (пер. с фр. С. П. Соловьева). Часто локальный колорит ограничивался названием, подыскивались пространственные аналогии (так, каратыгинский «Пикник в Токсове» превратился в Москве в «Пикник в Кунцево, или Московские удовольствия»).

³ [Б. а.] Русский театр в течение прошлого театрального года. Статья 2-я // Северная пчела. 1840. № 93. 30 апр. С. 578.

⁴ Ревякин А. И. Москва в жизни и творчестве А. Н. Островского. М., 1962. С. 465.

⁵ В рамках данной статьи не рассматриваются исторические драмы А. Н. Островского — особый случай, требующий отдельного изучения.

разница между Москвой — местом действия в пьесах А. Н. Островского и упоминаниями о ней. В первом случае она оценивается персонажами-москвичами (взгляд изнутри), во втором — добавляется образ города, имеющего особый статус в глазах остальной России (взгляд извне).

Именно Москва (а не Петербург), как считал драматург, оставалась в народном сознании первым (столичным) городом при сравнении с провинцией. В путевых заметках 1856 г. А. Н. Островский цитировал слова барона А. фон Гакстгаузена (путешествовавшего по России в 1840-е гг.): «Русские говорят...: Тверь городок — Москвы уголок».⁶ И драматург добавлял, что «Москвы уголком называется и Ярославль, и Тула, и Казань, и даже Ростов».⁷

В ранней и очень важной для формирования репутации драматурга «святочной» пьесе «Бедность не порок» место действия — вымышленный уездный город Черемухин, а точкой отсчета остается внесценическая Москва. Так, Разлюляев поет: «Ах, бей в доску, / Поминай Москву! / Москве хочется жениться — / Коломну взять, / А Тула-то хохочет / Да в приданое не хочет».⁸ В этом фольклорном тексте Москва — жених (вопреки грамматическому роду), а Коломна — невеста. Параллелизм песни с фабулой пьесы вскоре объясняется. Гордей Торцов мечтает выдать дочь Любовь Гордеевну за московского богатого старого купца Африкана Коршунова, прельщая ее богатством и сменой жизни с провинциальной на столичную. В сцене гадания (также параллельной любовной истории) в подблюдной песне московский адрес конкретизируется, укрупняется (речь идет, полагаю, о Белом городе — части Москвы): «Сидит воробей / На Беле-городе. / Слава! / На Беле-городе, / На высокой стене. Слава!»⁹ В жизни братьев Торцовых Москва играет важную роль. Однако у младшего Любима она в прошлом, это предыстория: Москва кабацкая и театральная (город греха и соблазна) разрушила его благополучие и определила нынешнее жалкое положение приживала. Москва Гордея, богатая, купеческая — пространство мечты, желанного будущего, которому не

суждено осуществиться. В репликах Гордея в связи с Москвой появляется мотив мольеровского «мещанина во дворянстве» (что давно было отмечено островсковедами): «...мне в здешнем городе жить надоело, потому на каждом шагу здесь можешь ты видеть как есть одно невежество и необразование. Для того я хочу переехать отселева в Москву»;¹⁰ «Ох, если б мне жить в Москве али бы в Питербурхе, я бы, кажется, всякую моду подражал!»¹¹ В последней реплике — одно из нечастых упоминаний в пьесах А. Н. Островского официальной столицы (и даже в этом случае Петербург стоит на втором месте, как компромиссная замена предпочитаемой Москвы).

Именно эти два внесценических полярных образа («Москва — опасный город» и «Москва-мечта») в различных модификациях и будут возникать в представлениях персонажей-немосквичей (внешних наблюдателей) на протяжении всего творчества А. Н. Островского, но важно, что и в том и в другом варианте создается целостный, не сфокусированный на какой-либо части реального города образ.¹²

Другая картина складывается при взгляде на Москву изнутри, глазами самих московских жителей. В художественной картографии А. Н. Островского Москва с Кремлем и посадом и Замоскворечье, расположенные на противоположных берегах реки, представляют собой как бы два различных города, существующих одновременно, но будто в разных эпохах. Эти две Москвы (на том и этом берегу) находятся между собой почти в тех же отношениях, в каких в русской литературе находились Москва и Петербург. А. Н. Островский заслужил у современников титул «Колумба Замоскворечья», хотя справедливее было бы назвать драматурга не первооткрывателем, а его изобретателем. В Москве традиционно существовали и другие слободы, где селились ремесленники и купцы и где жизнь оставалась патриархальной (Заяузье, например). Но именно Замоскворечье стало пространством «второй Москвы», превратившись в особый локус, описание которого у А. Н. Островского двойственное, «мерцающее»; в такой неопределенности проявляется его условная, литературная (а не жизненно реальная) природа.

⁶ Островский А. Н. Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода // Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 10: Статьи, записки, речи. Дневники. Словарь. М., 1978. С. 326.

⁷ Там же.

⁸ Островский А. Н. Бедность не порок // Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 1. М., 1973. С. 339. В другой песне Разлюляев называет иные «околомосковские» города: «Ах, вожжи во Калуге, / Хомут во Тарусе...» (Там же. С. 352.).

⁹ Там же. С. 353.

¹⁰ Там же. С. 360.

¹¹ Там же. С. 371.

¹² В частности, Москва — «новый Вавилон» в рассказах странницы Феклуши: «Вот хотя бы в Москве: бегает народ взад да вперед неизвестно зачем <...> а в Москве-то теперь гульбища да игрища, а по улицам-то индо грохот идет, стон стоит» (Островский А. Н. Гроза // Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 2. М., 1974. С. 236).

Замоскворецкая часть города приобретала у драматурга статус то «страны Замоскворечье», и это был взгляд снаружи (стороннего, внешнего наблюдателя), то «стороны Замоскворечье» с внутренней точкой зрения.

Первый случай, гиперболизация (Замоскворечье как отдельная страна внутри города Москвы), был представлен А. Н. Островским прежде всего в его ранних «Записках замоскворецкого жителя». Жанровые приметы «Записок...» неоднородны: здесь можно найти черты летописи, литературной панорамы (в том числе и описания Замоскворечья, с любимой видовой точки — с колокольни Ивана Великого), путевых и физиологических очерков, но включенных в раму литературной мистификации, пародии и стилизации. Фантастичность «Записок...» подчеркивалась их автором не один раз и различными способами. Так, в «Обращении к читателям» повествователь сообщал: «1847 года, апреля 1 дня, я нашел рукопись...» (т. е. он обращает внимание на то, что это первоапрельская шутка). Но эта якобы найденная рукопись «проливает свет на страну, никому до сего времени в подробности неизвестную и никем еще из путешественников неописанную».¹³ Далее приводится заведомо ложная, псевдонаучная этимология названия «Замоскворечье» (от слова «скворец») и множественные свидетельства местных жителей о замоскворецкой жизни. В частности, рассказ «одного почтенного и во всех отношениях заслуживающего уважения» человека о домах каменных и каменным забором обнесенных («только кто в нем живет, этого никто в мире не знает») или слова молодого человека о том, что за Москвой-рекой есть улицы верст по двенадцати длины. Эти сведения подтверждает дама «почтенных лет и солидной наружности»: «...я как-то ездила в Царицыно, так проезжала это Замоскворечье — ехали, ехали и конца ему нет».¹⁴ Эти слова, в свою очередь, опровергаются как небывальщина ради доподлинной «правды»: самый что ни на есть «правдивый» рассказ о замоскворецком чиновнике Иване Ерофеиче повествователь берет из рукописи неизвестного автора, которому историю Ивана Ерофеича рассказал некий Иван Яковлевич. Степень неправдоподобия, таким образом, вырастает в несколько раз, бытовая достоверность тонет

(или прячется) в фантастических описаниях. «Записки...» — пародия на физиологический очерк, создающая условное пространство, одновременно и узнаваемое, и гротескное. Называние конкретных адресов (Болвановка, Царицыно, Зацепа, «у Харитонья в Огородниках», Сокольники, Нескучное, Даниловское кладбище и др.) еще более усложняет соотношение реального—вымышленного.

«Сторона Замоскворечье» (другой способ изображения) — это, напротив, преуменьшение: А. Н. Островский подчеркивает, что это часть города, глухая, сонная, неподвижная, отделенная и изолированная Москвой-рекой, внутри которой каждый дом ограничен от внешнего мира еще глухим забором. «Сторона Замоскворечье» представлена в нескольких пьесах, начиная с комедии «Свои люди — сочтемся», но в наибольшей степени — в трилогии о Бальзаминове.

Замоскворечье Островского не имеет границ (кроме речной), непонятен его масштаб: то ли оно непомерно большое, то ли совсем крошечное, в пределах видимости из окна дома. Замоскворечье статично, не имеет развития, и в то же время оно аморфно, текуче. В представлениях замоскворецкого жителя оно почти не структурировано, или же его структура не совпадает ни по одному из параметров у разных персонажей.

Река в произведениях А. Н. Островского существует как граница миров: один — «у нас, за Москвой-рекой», другой — «на том берегу».¹⁵ Замоскворечье предстает для жителей «того, другого, берега», как «волшебный мир, населенный сказочными героями тысячи и одной ночи»,¹⁶ но и для замоскворецкого жителя (например, для Миши Бальзаминова) «тот, другой, берег» — тоже нечто нереальное, город-мечта (каменная лавка в Китай-городе, каменные дома на Тверской, рысаки, подъезжающие к саду «Эрмитаж»). «Та» и «другая» сторона города всматриваются друг в друга, отражаются, соперничают, сравнивают, как это, например, происходит в «вещем сне» Павлы Петровны Бальзаминовой («Женитьба Бальзаминова»): «Только за мостом — вот чудеса-то! — будто Китай. И Китай

¹³ Островский А. Н. Записки замоскворецкого жителя // Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 1. М., 1973. С. 32.

¹⁴ Там же. С. 33.

¹⁵ Заречье в народной топографии всегда воспринимается как «другой город». А. Н. Островский знал об этом: в путевых записках 1856 г., рассказывая о Твери, он особо выделяет зареченские слободы — Заволжье, Затверечье, Затьмачье — части города, лежащие на другом берегу Волги, Тверцы, Тьмаки (Островский А. Н. Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода. С. 328).

¹⁶ Островский А. Н. Записки замоскворецкого жителя. С. 32.

этот не земля, не город, а будто дом такой хороший, и написано на нем: “Китай”. Только из этого Китая выходят не китайцы и не китайки, а выходит Миша и говорит: “Маменька, подите сюда в Китай!”, вот будто я собираюсь к нему идти, а народ сзади меня кричит: “Не ходи к нему, он обманывает: Китай не там, Китай на нашей стороне”. Я обернулась назад, вижу, что Китай на нашей стороне, точно такой же, да еще не один. А Миша будто такой веселый, пляшет и поет: “Я поеду в Китай-город гулять!”¹⁷ Страна Китай и Китай-город (город Китай) в этом сне соединяются в одно явление по смежности ассоциаций: и то и другое «далеко», неизвестно, недоступно. Китай «на той стороне» имеет множество отражений в «Китаях на нашей стороне».

В художественном мире А. Н. Островского Замоскворечье узнаваемо по реальным улицам, храмам, городским объектам, но оно — не столько существующий район Москвы, описанный по законам реалистического письма, сколько «сборный», литературный (часто сказочно-фольклорный) внеисторический образ Москвы, созданный в противовес другому городу, «на том берегу». «Замоскворецкая Азия» — так назвал это явление критик А. И. Урусов.¹⁸

Однако, как хорошо известно, А. Н. Островский — создатель не только «московского» (а точнее, «замоскворецкого») текста; в русской драматургии он — также первооткрыватель провинциального (а именно волжского) художественного мира.

Волга в драматургии А. Н. Островского — главный водный путь со славянскими, финно-угорскими, тюркскими народами, населяющими берега реки. И в то же время это предел, граница.¹⁹ Выбор именно волжского бассейна как основы провинциального мира определен прежде всего родиной предков драматурга (Кострома).

Первое восьмидневное путешествие по Волге (когда 22-летний А. Островский получил отпуск в Московском совестном суде) состоя-

лось в августе 1845 г.: через Богородск, Покров, Владимир, Вязники, Красный он приезжает в Нижний Новгород. В дневнике этой поездки замечен интерес к структуре города и его топографии, дан план прогулки по Нижнему (начиная с заокской стороны).²⁰ В апреле 1848 г. А. Н. Островский впервые отправляется в только что приобретенную отцом усадьбу Щельково (через Переяславль, Дертники, Ростов, Тупошну, Шошну, Ярославль, Овсянники, Кострому). Он внимателен к различиям городов: так, к примеру, дает резкую оценку Переяславлю и восхищается Ярославлем и Костромой.

Еще через восемь лет А. Н. Островский принимает участие в литературной экспедиции от Морского ведомства, и на его писательскую долю приходится верховья Волги. Летом 1856 г. он начинает обследование верхневолжских сел и городов (Тверь, село Городня, Торжок, Осташков, Ржев, Зубцов, Старица, Калязин).²¹ В Калязине драматург вынужден был прервать путешествие из-за травмы ноги. Только через год, в мае 1857 г., он продолжает экспедицию поездкой в Ярославль, а в июле заезжает в Рыбинск. Результатом этого растянувшегося путешествия должен был стать цикл очерков, который мог бы сложиться в отдельную книгу, как у других участников литературной экспедиции — А. Ф. Писемского и С. В. Максимова.

А. Н. Островский собирал для путевых очерков сведения повсюду: в уже опубликованных книгах и статьях, у официальных лиц, в губернских статистических комитетах, у добровольных помощников (чиновников, учителей, священников, купцов и мещан).²² Но лишь малая толика этого материала нашла отражение в его первой части «Путешествия по Волге от истоков до Нижнего Новгорода», напечатанной в «Морском сборнике» за 1859 г. Публикация обрывалась на Осташкове. Читателям было обещано продолжение, в частности особая статья по наречиям Тверской губернии. Однако продолжение не состоялось. «Путешествие по Волге...» интересно сочетанием реферативности (изученная литература

¹⁷ Островский А. Н. Женитьба Бальзамина // Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 2. С. 376.

¹⁸ Урусов А. И. Статьи о театре, о литературе и об искусстве. Т. 1. М., 1907. С. 256, 257.

¹⁹ Зауральская часть, Сибирь, редко упоминается в драматургии А. Н. Островского, в основном — как место ссылки («Пучина») или дальней поездки с поручением, тоже своего рода ссылки («Гроза»). См. об этом: Миловзорова М. А. «Местные мотивы» как фактор действия в пьесах А. Н. Островского // Щельковские чтения 2001. А. Н. Островский. Новые материалы и исследования. Кострома, 2002. С. 27–34.

²⁰ См.: Островский А. Н. Дневник. 1845 // Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 10. С. 348–350.

²¹ Островский А. Н. Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода. С. 322–348; Он же. Дневник. 1856 // Полн. собр. соч. Т. 10. С. 360–374.

²² Среди тех, кто помогал А. Н. Островскому в сборе волжского материала, костромской литератор П. И. Андроников, ярославец Н. Н. Клириков, жители Рыбинска и Углича Г. Г. Голубенцов и И. Ф. Шестаков, собиратель древних рукописей из Торжка Е. М. Елизаров и др.

частично реконструируется по сноскам), экспедиционных записей (рассказов, свидетельств местных жителей) и собственных наблюдений А. Н. Островского как историка, этнографа, лексикографа, географа.

Через восемь лет, в мае 1865 г., А. Н. Островский с актером И. Ф. Горбуновым спустился по Волге на пароходе от Нижнего Новгорода до Саратова (но все-таки не до самого ее устья).²³ И к тому же с 1848 г. почти сорок лет подряд драматург практически ежегодно переезжал из Москвы в Щельково (и обратно) через Волгу и волжские города.

По составу личной библиотеки драматурга можно восстановить, хоть и не полностью, круг его чтения, связанный с историей русских городов,²⁴ представленный разнообразными источниками (историческими, статистическими, географическими, этнографическими, литературными²⁵). Наибольший интерес представляют издания по истории Шуи, Рыбинска, Углича, Костромы, Казани с пометами драматурга.²⁶

Островского-путешественника всегда интересовал внешний вид местных жителей, особенности их лиц, костюмов, языка, а также поговорки и присказки о городах и горожанах.²⁷

²³ См.: Островский А. Н. Дневник. 1865 // Полн. собр. соч. Т. 10. С. 402.

²⁴ Среди путеводителей, изданий по истории русских городов следующие книги: 1) Н.-в Ф. [Никольский Ф. Я.] Путеводитель по Ярославской губернии. Ярославль, 1859; 2) Островский П. Ф. Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестно-чтимой в императорском доме Романовых. Кострома, 1864; 3) Преображенский В. А. Описание Тверской губернии в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1854; 4) Тихонравов Н. Н. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М., 1857; 5) Якушкин П. И. Путевые заметки из Псковской губернии // Русская беседа. 1859. Т. 6. Отд. V. С. 1–48 (вырезка с дарственной надписью автора) и др. В щельковской библиотеке хранились также памятные книжки различных губерний (Воронежской, Самарской, Тверской, Тобольской) за 1840–1860-е гг.

²⁵ См., напр., стихи «Г. Рыбинск. 1853 г.», «Ярославль» рыбинского крестьянина, поэта-самоучки Ф. Ф. Смурова: Стихотворения, или Досути Федора Смурова: в 2 ч. М., 1854 (с владельческой надписью на обложке и титульном листе). В каталоге «Библиотека Островского» (Л., 1963) книга не учтена.

²⁶ См.: Борисов В. А. Описание города Шуи и его окрестностей, с приложениями старинных актов. М., 1851; Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей // Собр. В. А. Борисовым. Б. м., 1853; Гомилевский М. И. Описание города Рыбинска, составленное попечением Рыбинского градского главы, почетного гражданина Федора Тюменева, и изданное на его иждивении при статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб., 1837; Киссель Ф. История города Углича. Ярославль, 1844; Козловский А. Д. Взгляд на историю Костромы. М., 1840; Рыбушкин М. С. Краткая история Казани. Ч. 1–2. Казань, 1848–1849.

²⁷ На нижегородской ярмарке А. Н. Островский обращал, в частности, внимание на разнообразие торгующих народов: «Опрятные немцы. Русские. Татары. Персияне» (Остров-

Так, например, драматург, размышляя в театральном дневнике 1885 г., думая о возможном своем назначении на пост заведующего репертуаром московских театров, ставит как важную задачу «от всех иногородних фотографов собрать фотографии видов и типов».²⁸

Дневниковые записи А. Н. Островского о волжских впечатлениях наиболее свободны по форме (в них можно найти все — от сухой фиксации сведений до экспрессии и поэзии); в «Путешествии по Волге...» Островский старается быть объективным и фактически точным; в драматургии же он отбрасывает обширную фактографию ради «сборного города», доведенного до краткой формульности.

Принцип художественного конструирования в случае с волжскими пьесами иной, чем с «московским текстом»: А. Н. Островский вводит несуществующие губернский (Бряхимов) и уездный (Калинов) города, имеющие, однако, географические координаты, так как они стоят на Волге — реальной реке. Каждый из этих городов стал местом действия двух пьес — своего рода диалогий: Калинов — драмы «Гроза» и комедии «Горячее сердце», Бряхимов — драмы «Бесприданница» и комедии «Красавец-мужчина». Неслучайно за право считаться прототипами «сборных городов» боролись губернские (Ярославль, Кострома, Нижний Новгород) и уездные (Кинешма, Юрьево, Рыбинск) города.²⁹ Бряхимов и Калинов получили узнаваемые черты верхневолжских городов: высокий берег с видом на заволжскую сторону, бульвар-набережную с беседкой, общественный сад над Волгой.

«Волжское» у А. Н. Островского, как и «московское», становится синонимом «русского».

ский А. Н. Дневник. 1845. С. 348). В книге С. В. Максимова «Лесная глушь. Картины народного быта из воспоминаний и путевых заметок» (Т. 2. СПб., 1871), например, на с. 126–128 драматургом подчеркнуты фразы: «Ярославль городок — Москвы уголок»; «моя Кострома — веселая сторона»; Сибирь, «где бабы бьют соболей коромыслами, а золота да серебра на ста возах во сто лет не перетаскаешь»; «Архангельск город — всему морю ворот»; «...с романовцем барана в зыбке закачал, толчком Волгу прудил...»; «...чухломской рукоусой рукавицы ищет, а рукавицы за поясом».

²⁸ Островский А. Н. Дневник. 1885 г. // Полн. собр. соч. Т. 10. С. 429.

²⁹ Кроме того, А. Н. Островский писал о Торжке как о городе с особыми обычаями. Новоторжский уклад жизни с «совершенной свободой» девушек, обычаем умыкания невест и строгими правилами поведения для замужних женщин, которые «постоянно сидят дома», стал приметой Калинова в «Грозе» (Островский А. Н. Дневник. 1856. С. 344, 345). А калиновский «антик», механик-самоучка Кулигин вызывает ассоциации с И. П. Кулибиным, жившим почти на столетие раньше в губернском Нижнем Новгороде.

Волга, как и Москва-река, организует пространство, предстает границей «того» и «этого» мира («здесь» и «там» — в Заречье, Заволжье). Литературные города А. Н. Островского стоят на высоком месте, а заречье — низкий, пойменный, равнинный берег. Но в отличие от Москвы, где две городские части отражаются друг в друге, волжские города с их застывшим миром противопоставлены заволжской природе, текущей реке, на которой кипит жизнь.³⁰ Стремление вырваться за реку, за пределы города, в вольный мир характеризует героинь волжских пьес: для одних это заканчивается гибелью (Катерина Кабанова, Лариса Огудалова), для других становится началом новой, свободной жизни (Параша из «Горячего сердца»).

Поиски «русского» привели драматурга к открытию азиатской составляющей.³¹ Русская «вечная Азия» (или, как говорят персонажи А. Н. Островского, «Белая Арапия») была спрятана драматургом, но не слишком глубоко (шифр здесь одновременно и ключ) в названиях вымышленных городов: при минимализме отобранных элементов городского топоса их именованья становятся чрезвычайно важны.

Первым на волжской карте А. Н. Островского появился Калинов. Искусственные уездные города у драматурга имеют общий «растительный код» именованья и представляют антитезу, где Черёмухин («Бедность не порок») — идиллическое, «счастливое» пространство,³² а Калинов — конфликтное, драматическое место, по своим характеристикам соотносимое со «стороной Замоскворечье». Название Калинов обычно связывают со славянским фольклором: песнями, сказками, былинами, в которых «горькая ягода калина» рифмуется с горькой судьбой девушки или женщины. Однако напрашивается и другая ассоциация — Кáлинов мост былин и

волшебных сказок,³³ место, где богатыри бьются со злой силой (татарами, врагами); застава, граница между христианским и нехристианским миром. Один из возможных прототипов города Калинова — Кинешма. В именном указателе П. А. Бессонова к «Песням Киреевского» упоминается местность, встречающаяся в былинах об Илье Муромце (весь абзац был отчеркнут А. Н. Островским в личном экземпляре книги): «Илья, в одну поездку из Муромца, спасает Кидиш или Кидаш от осевших врагов (<...> песня из Арханг[ельской] губ.; в других песнях здесь вставлен Краков или смешана Кинешма...».³⁴ Кидиш(ь)/Кидаш(ь) (а также Китиж, Покидошь) — варианты названий града Китежа (на озере Светлояр/Светлояре), спутанного по созвучию с Кинешмой.³⁵ Линия же Ильи-Муромца связана с именем татарина Кáлины (Кáлина) как противника русского богатыря, и эти строки также отчеркнуты А. Н. Островским.³⁶ Таким образом, Калинов-Кинешма, возможно, осознавался драматургом как своего рода анти-Китеж, а соотнесенное с Кáлином и татаро-монгольским нашествием название города приобретало «татарский» (азиатский) смысл.

Губернский же волжский Бряхимов, появившийся в пьесах А. Н. Островского почти на десятилетие позже Калинова, имел уже явное прецедентное именованье: его исторический прототип — Бряхимов (Ибрахим), средневековый город XI–XII вв., предположительно, столица Волжской Булгарии, раскопками которой

³⁰ «Два полюса: неподвижный город, куда не проникает луч света, и вечно текущая река. Два полюса: город, где на кладбище похоронен длинный ряд предков, и река, зовущая и влекущая куда-то далеко, в будущее, к новым поколениям» (Номо новус [Кугель А. Р.] Французский труд об Островском // Театр и искусство. 1913. № 30. 28 июля. С. 599).

³¹ См. об этом: Созина Е. К. Азия и азиатизм в «русском мире» А. Н. Островского // Кормановские чтения. Вып. 7: Статьи и материалы межвуз. науч. конф. к 25-летию памяти проф. Б. О. Кормана. Ижевск, 2008. С. 92–107; Она же. Азиатская мифография в мире А. Н. Островского (статья первая) // Щельковские чтения 2007: А. Н. Островский в контексте мировой культуры. Кострома, 2007. С. 18–36.

³² В «Пучине» упоминается также «калиновского городничества малиновский купец». Подобные «аркадийные» топонимы во множестве вариантов — Малиновец, Малинники, Малиновка и пр. — встречаются в предшествующей и последующей литературной традиции.

³³ Калинов мост, в частности, фигурирует в пьесе Екатерины II «Храбрый и смелый витязь Ахридеич», с которой А. Н. Островский был знаком. Феерия (первоначально имевшая название «Иван-царевич») была написана по мотивам русских волшебных сказок и былин: «Тем государством владеет Царь-Девушка, только не без труда тебе пройти будет, потому что к тому государству есть мост Калиновой, и чрез тот мост не пропускает ни конного, ни пешего змея двенадцатиглавной, который живет под тем Калиновым мостом, а ежели кому удастся того змея убить и чрез мост пройти в государство Царь-Девушки, то за того Царь-Девушка выдет замуж...» (Екатерина II. Храбрый и смелый витязь Ахридеич // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. Ч. 19. СПб., 1788. С. 140, 141.) В неоконченной сказке А. Н. Островского «Иван-царевич» есть также персонаж Калин-Гирей, связывающий славянскую и восточную (татарскую) линии.

³⁴ Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 4. М., 1862. С. СХVIII.

³⁵ «Кидиш, Кидаш, Покидошь <...> (славный город, с князем); <...> (предания о Малом и Большом Китеже). — Смешан с Кинешмой» (абзац отчеркнут А. Н. Островским. — О. К.) (Там же. С. СХХХVI. Ст. 174.)

³⁶ «Полонил в Большой Орде у Тугарина Змеевича и привез во Владимир вороного коня <...>. — В послух к Татарам <...>. — В битве с татарами за Киев; с Мамаем; <...> с Калиноу: <...>; с Калином... (курсив мой. — О. К.)» (Там же. С. СХХХVI. Ст. 36).

в 1870-е гг. занимались казанские археологи (можно допустить, что особое внимание драматурга к этому историческому городу было связано с интересами его единокровного брата Андрея³⁷). По тогдашней версии, Бряхимов находился на Каме, недалеко от места ее впадения в Волгу. Перенос А. Н. Островским литературного Бряхимова (значительно выше по течению Волги) объясняется, возможно, одним из наблюдений кн. А. Д. Козловского: «...Великий князь Юрий (Георгий) Владимирович, сын Великого Владимира Мономаха, не имевший достаточных сил к удержанию за собою престола Киевского, оставя южные страны, удалился в северные пределы России и основал там независимое владение Суздальское; построив в оном многие города, населил их болгарами, мордвою и венграми (курсив на месте отчеркивания на полях, сделанного А. Н. Островским. — О. К.)...»³⁸ Эти суздальские болгары (булгары), по-видимому, и натолкнули драматурга на мысль позаимствовать имя исторической столицы волжских булгар для губернского города, якобы существующего в районе Костромы. Название «Бряхимов» отсылало к глубокой истории: нынешний уклад жизни в этом городе обретал древние корни. Динамичность современности (внешняя европеизация) в не меньшей степени, чем в уездных городах А. Н. Островского, вступала в губернском Бряхимове в противоречие с традицией.³⁹

Бряхимов и Калинов, исходя из их именованных, составляют родственную по смыслу пару городов, глубинно и внутренне азиатских по сути. «Замоскворецкой Азии» противопоставлена Москва «на другом берегу». Волжской Азии — опять же Москва.

Художественная картография, тщательно выстроенная А. Н. Островским, позволила ему отчетливо и в то же время нерезко вступить в геополитическую полемику эпохи. «Несуществующий» Петербург, никак не влияющий на общий ход российской жизни и на однородность российского пространства, — своеобразный вклад А. Н. Островского в «петербургский текст» русской литературы, реплика в споре двух столиц. «Замоскворецкая Азия» (метонимически представляющая всю Москву) и «азиатские» волжские города Калинов и Бряхимов, не случайно расположенные в верховьях (а не в среднем или нижнем течении) Волги, — ответ славянофильскому окружению драматурга. Разумеется, геополитическая картина А. Н. Островского не полна без соотносительности его городского и усадебного мира (усадеб Пеньки в «Лесе», ряда безымянных усадеб в других пьесах)..., а также утопического (при этом исторически укорененного) государства берендеев в «Снегурочке» и русского царства в незавершенной сказке «Иван-царевич», но это уже темы отдельных статей.

Olga N. Kuptsova

Candidate of Philological Sciences, Moscow State University (Russia, Moscow)

E-mail: okouptsova@yandex.ru

A. N. OSTROVSKY'S ARTISTIC MAPMAKING: CITY

The article deals with the artistic map of A. N. Ostrovsky, for whom from the first to the last play Moscow, as the sole capital city, stayed in the center of his map as a playwright (St. Petersburg was practically absent from his drama works). The collision between the static-motion, the old-renovating, the Asian-the European was described by A. N. Ostrovsky via the comparison of "Moscow" and "Zamoskvorechye" (the opposition existed inside the same city and not in the pair Moscow — St. Petersburg), and on the Russian national scale — the "Moscow" (capital) and the "provincial"

³⁷ Андрей Николаевич Островский — библиофил, археолог-любитель, с 1877 г. почетный член и заведующий библиотечной Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете.

³⁸ Козловский А. Д. Взгляд на историю Костромы. М., 1840. С. 5, 6.

³⁹ Для «Бесприданницы» городской топоним существовал. Действие переносится из замкнутых интерьеров (домов Огудаловой и Карандышева) на открытый простор набережной, где высокий, «этот», берег реки и равнинный, «тот», заволжский снова метафорически, как и в калиновском цикле, означают реальное и желаемое, недостижимое. В «Красавце-мужчине» внесценическое бряхимовское пространство нужно в основном для рифмовки судеб «красавца-мужчины» без состояния Аполлона Окоемова и красавицы-бесприданницы Ларисы Огудаловой.

(peripheral). In the artistic world of the dramatist Zamoskvorechye was not the actual administrative district of Moscow, but rather the “collective”, fictional (often of the fairy tale and the folklore type) ahistoric image of Moscow. In the Volga plays cycle A. N. Ostrovsky created the non-existent cities in the upper reaches of the Volga — the provincial capital Bryahimov and the smaller district center Kalinov. The artificial name of the district center and the precedent setting name of the province capital (Bryahimov was an historical Volga Bulgars' city) had a common Asian component. A. N. Ostrovsky's artistic mapmaking was implicitly polemical. The “non-existent” St. Petersburg not affecting in any way the general course of the Russian life or the uniformity of the Russian space was the author's distinctive contribution to the “Petersburg text” of the Russian literature. The “Zamoskvorechye Asia” (which metonymically represented the whole of Moscow) and the “Asian” Volga cities Kalinov and Bryahimov were his arguments in the disputes with the dramatist's Slavophilic environment.

Keywords: *A. N. Ostrovsky, Russian drama, geopoetics, art cartography, Moscow, Zamoskvorechye, Volga, city*

REFERENCES

- A. N. Ostrovskiy. Entsiklopediya* [A. N. Ostrovsky. Encyclopedia]. Kostroma: Kostromaizdat; Shuya: Izd-vo VGOU VPO «SHGPU» Publ., 2012. 660 p. (in Russ.).
- Milovzorova M. A. [“Local motifs” as a factor in the plays of A. N. Ostrovsky]. *Shchelykovskiyе chteniya 2001. A. N. Ostrovskiy. Novyye materialy i issledovaniya* [Shchelkovsky readings 2001. A. N. Ostrovsky. New materials and research]. Kostroma: Gos. Memorial'nyy i prirodnyy muzey-zapovednik A. N. Ostrovskogo “Shchelykovo” Publ., 2002, pp. 27–34. (in Russ.).
- Revyakin A. I. *Moskva v zhizni i tvorchestve A. N. Ostrovskogo* [Moscow in the life and work of A. N. Ostrovsky]. Moscow: Moskovskiy rabochiy Publ., 1962, 544 p. (in Russ.).
- Sozina E. K. [Asian mythology in the world Ostrovsky (article the first)]. *Shchelykovskiyе chteniya 2007: A. N. Ostrovskiy v kontekste mirovoy kul'tury* [Shchelkovsky readings 2007: A. N. Ostrovsky in the context of world culture]. Kostroma: Gos. memorial'nyy i prirodnyy muzey-zapovednik A. N. Ostrovskogo “Shchelykovo”; Kostroma State University Publ., 2007, pp. 18–36. (in Russ.).
- Sozina E. K. [Asia and the Asians in the “Russian World” by A. N. Ostrovsky]. *Kormanovskiyе chteniya. Vyp. 7: stat'i i materialy mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii k 25-letiyu pamyati prof. B. O. Kormanana* [Kormanov Readings. Iss. 7: Articles and materials interuniversity sci. conf. to the 25th anniversary of the memory of prof. B. O. Cormana]. Izhevsk: The Udmurt State University Publ., 2008, pp. 92–107. (in Russ.).